

УДК 811'371

DOI: 10.29039/2413-1679-2024-10-3-204-215

АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИНИЦИАЛЬНЫХ И ФИНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИОННЫХ РЕЧЕВЫХ ФОРМУЛ В ЛЕЗГИНСКИХ И УКРАИНСКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ¹

Ветрова Э. С.

*ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,
Донецк, Россия
E-mail: v.elvira75@yandex.ru*

Статья посвящена изучению инициальных и финальных речевых формул в лезгинских и украинских волшебных сказках. Проанализированы структура и семантические особенности данных речевых конструкций в сказочном повествовании, особое внимание уделено описанию их аксиологического содержания. Установлено, что инициальные и финальные формулы в лезгинских и украинских волшебных сказках имеют схожую структуру, состоящую из нескольких семантических блоков, каждый из которых имеет особое языковое наполнение, предоставляемое национальной традицией. Анализируемые речевые формулы склонны к вариативности, которая, как правило, обеспечивается синонимией входящих в них элементов, а также и способами их сочетаемости. Инициальные и финальные формулы в сказках могут подвергаться амплификации – усложнению, которое заключается в нанизывании синонимичных конструкций одного вида, и редукции (сокращению доли информации). Инициальные и финальные речевые формулы волшебной сказки имеют универсальный характер, вместе с тем, в их структуре, семантике и особенностях функционирования обнаруживается ярко выраженная национальная специфика, что позволяет рассматривать их как действенный механизм маркирования и «консервации» этнокультурных смыслов.

Ключевые слова: волшебная сказка, аксиологическая модель, традиционные речевые формулы, инициальные формулы, финальные формулы, лезгинская лингвокультура, украинская лингвокультура.

ВВЕДЕНИЕ

Потребность в лингвистической аксиологии, в центре внимания которой находится система ценностей этноса и способы ее вербальной репрезентации, сегодня не вызывает сомнений. Все более очевидным становится тот факт, что в процессе познания окружающего мира человек определяет свое отношение к нему, так или иначе оценивая явления, факты, события, что находит непосредственное отражение в языке. Анализ ценностных приоритетов, закодированных в разноуровневых языковых единицах, открывает путь к познанию феномена национального языкового сознания, к реконструкции ценностной картины мира того или иного этноса и как результат – к формированию механизмов, способных обеспечить гармоничное, бесконфликтное взаимодействие языков и культур в современном многополярной действительности.

В последние десятилетия аксиологическая проблематика все чаще становится предметом научных дискуссий (см. работы: [7], [12] и др.). Это свидетельствует о том, что ее актуальность в современной науке только возрастает. Однако, несмотря на то что оценочные смыслы и ценностные доминанты осознаются научным

¹ Исследование проводилось по теме государственного задания «Декодирование и интерпретация аксиологической семантики в славянских, германских, романских и кавказских лингвокультурах» (номер госрегистрации 124012400351-9).

сообществом как фундаментальные составляющие человеческого бытия, включение которых в перечень объектов исследования является закономерным, данные категории в лингвистике все еще остаются недостаточно изученными, что обусловлено сложным и многомерным характером аксиологического измерения языка и возможностью различных способов его моделирования.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью определения и описания ценностных координат языковой картины мира, механизмов их объективации посредством разноуровневых языковых средств в различных лингвокультурах, в том числе и в сопоставительном аспекте.

Цель статьи – изучение аксиологического содержания инициальных и финальных речевых формул в лезгинских и украинских волшебных сказках.

Сказки являются одной из первичных форм фиксации ценностных приоритетов этноса, его представлений об окружающем мире и имеют большой воздействующий потенциал. В героях, сюжетах, речевых формулах сказок зафиксированы все те первоначальные социокультурные знания, которые формировались тысячелетиями, при этом они отражают не только архаичные социальные отношения и религиозные представления, но в первую очередь – реалии привычной повседневности – типичные социально значимые жизненные ситуации, поведенческие стереотипы, убеждения и оценки, которые помогают человеку адаптироваться к жизни в конкретном обществе. Особый интерес для аксиологического анализа представляет волшебная сказка – древнейший жанр устного народнопоэтического творчества, эпическое произведение, повествующее о необыкновенных событиях и приключениях, в которых участвуют фантастические персонажи [10]. Аксиологическая модель волшебной сказки, с одной стороны, универсальна, поскольку имеет единое генетическое основание, с другой стороны – национально специфична, поскольку предоставляет человеку доступ к закодированному в ней уникальному содержанию, которое формируется вокруг этнокультурных ценностных доминант, обусловленных национальной философией и спецификой народного быта.

Материалом исследования послужили инициальные и финальные речевые формулы, извлеченные путем сплошной выборки из текстов волшебных сказок на лезгинском и украинском языках. Всего проанализировано 220 традиционных речевых формул, из них 170 – в украинском языке и 150 – в лезгинском языке.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

В современном языкознании традиционные речевые формулы волшебной сказки нечасто становилась объектом лингвистического анализа. На сегодня существуют лишь отдельные исследования, в которых представлен основательный анализ данной проблемы. Среди них в первую очередь следует отметить работы Н. Рошиану [11] и Н. М. Герасимовой [2; 3], в которых детально рассматриваются структура традиционных формул, их лексико-семантическое наполнение, механизмы варьирования, стилистические и коммуникативные функции в тексте сказочного повествования. В последние десятилетия наблюдается активизация интереса ученых к отдельным аспектам данной проблемы [1; 6; 8; 9], вместе с тем, вопросы, связанные с лингвокультурологическими особенностями традиционных речевых формул в волшебных сказках, их аксиологическим содержанием, еще не получили в лингвистике должного освещения.

С лингвопрагматической точки зрения текст волшебной сказки представляет собой сложный речевой акт, реализуемый с определенными коммуникативными намерениями и использующий комплекс специфических языковых и стилистических средств для оказания воздействия на адресата. Аксиологическое пространство лезгинских и украинских волшебных сказок конструируется с помощью специализированных разноуровневых языковых средств, выступающих маркерами сказочного повествования. Особое место в волшебных сказках обеих лингвокультур занимают традиционные речевые формулы (ТРФ), под которыми подразумеваются устойчивые, построенные по определенной схеме и легко воспроизводимые словесные обороты, которые не закреплены за определенным сюжетом, но детерминированы ситуацией повествования [2]. Несмотря на максимально устойчивый и стереотипный характер, данные языковые единицы достаточно пластичны и могут семантически и структурно варьироваться, что предопределено самим механизмом создания сказки, который не требует дословного повторения текста каждым новым сказителем, а допускает «определенный диапазон колебаний (вибрацию словесной ткани текста)» [14, с. 92]. Вариативность ТРФ достигается за счет выбора речевых формул из репертуара сказочника (формульная синонимия), пластичность – путем наращивания, накопления синонимических образований, сочетания разных типов формул в одну (амплификация) или редуцирования (сокращения) входящих в формулу элементов.

Архитектоника лезгинских и украинских волшебных сказок идентична и включает следующие элементы: зачин (начало действия), основная часть (повествование), исход (концовка). Каждая из композиционных частей оформляется специфическими речевыми образцами, предоставляемыми национальной традицией. В соответствии с местом в композиционной структуре волшебной сказки выделяют три типа ТРФ: 1) инициальные (оформляющие зачин); 2) медиальные (используемые в основной части) и финальные (завершающие повествование).

Объектом данного исследования выступают инициальные и финальные ТРФ, которые образуют композиционную рамку сказочного повествования. Несмотря на универсальный характер, данные языковые единицы чрезвычайно самобытны и являются маркерами важной аксиологической информации, а значит нуждаются в специальном научном анализе.

Инициальные речевые формулы (ИРФ) – своеобразная экспозиция повествования, которая используется для того, чтобы подготовить читателя к восприятию сказки: перенести его в сказочную обстановку, сориентировать во времени и пространстве, познакомить с действующими лицами и таким образом настроить на нужный лад. ИРФ в лезгинских и украинских сказках имеют сложную структуру, в которую входят следующие семантические блоки: 1) время действия; 2) место действия; 3) факт существования героя/героев; 4) факт наличия/отсутствия у героя/героев чего-либо. Каждый из данных блоков обслуживают специфические речевые формулы.

В самом общем виде модель ИРФ в лезгинских и украинских волшебных сказках можно представить следующим образом: $ИРФ = (1) ТФ + (2) ХФ + (3) ФС_{1-2} + (4) Ф_{н/о}$, где ТФ – топографическая формула (указывает на место сказочного действия); ХФ –

хронологическая формула (определяет время сказочного действия), ФС – формула существования героя (героев): ФС₁ – предикат, ФС₂ – субъект действия; Ф_{н/о} – формула наличия/отсутствия у героя (героев) чего-либо, например: лезг. *Хъана къван, хъанач къван (ХФ+ФС₁) са вилаятда (ТФ) са кесиб къари (ФС₂). И къаридихъ Алискер лугъудай са гада авай (Ф_н)* («Вафалу дустар»). – ‘То ли жил, то ли не жил в одной стране один старик. И был у него сын по имени Алискер’ [5]; укр. *У дев’ятому царстві, у тридесятому господарстві (ТФ) давно-давно (ХФ) жив (ХФ+ФС₁) цар Іван (ФС₂). Було у нього троє синів (Ф_н)* («Безсмертя Іванових синів») [4].

Данная структура в обеих лингвокультурах не является строгой. Нефиксированная позиция элементов в составе формулы, свободная сочетаемость семантических блоков, факультативный характер некоторых из них (например, места действия) способствовали формированию в каждой лингвокультуре определенного набора речевых образцов, отличающихся как формально, так и в содержательном плане. Вариативности ИРФ способствует также использование различных языковых приемов – таких, например, как семантическая редукция (сокращение доли информации в языковой единице, подвергающейся замене), амплификация (нагромождение ненужных повторений, излишних фраз), градация, литота и т. д.

Формулы существования героев. Подавляющее большинство волшебных сказок в обеих лингвокультурах начинается с так называемых «формул существования» (ФС), которые имеют информационный характер – знакомят читателя с действующими лицами, их возрастом, социальным статусом и т. д.: лезг. *Хъана къван, хъанач къван са пачагъ* ‘Жил или не жил один царь, звали его Джаханшах, и было у него три сына’ («Гъульуьн руш») [5]; укр. *Був собі дід та баба, та не було у них дітей.* («Кривенька качечка») [4].

В лезгинских и украинских сказках ФС представляют собой устойчивые двухкомпонентные конструкции, состоящие из предиката и субъекта действия. Предикат выражен бытийным глаголом в форме прошедшего времени, который, во-первых, констатирует факт существования героя (героев); во-вторых, является временным маркером, указывая на то, что действие происходило в прошлом. Субъект выражен существительным, которое вводит в сказочное повествование действующих лиц («царь», «старик» и т. д.). В обеих лингвокультурах предикат всегда находится в препозиции по отношению к субъекту действия. Такой порядок слов способствует реализации бытийности повествования – семантики наличия субъектов, объектов, ситуаций независимо от сознания человека. Функцию бытийных глаголов в украинских сказках выполняют глаголы *жив (жили), був (були)*, которые в сочетании с разговорной частицей *собі (жив собі, був собі)* создают атмосферу покоя, мирного, размеренного течения жизни, событийного бездействия, например: *Був собі один чоловік і мав шестеро синів та одну, дочку* («Котигорошко»); *Жили собі дід та баба, та не було у них дітей* («Кривенька качечка») [4]. В украинских сказках ФС, как правило, имеют констатирующий характер и не содержат явного указания на вымысел – он лишь имплицитно подразумевается благодаря хронологическим и топографическим формулам со значением неопределенности: *Колись дуже давно у невеличкому царстві жили собі дід і баба. Було в них два сини та дуже великий фруктовий сад* («Дивна сопілка») [4]. Тем не менее, существуют ФС, в которых

элемент недостоверности выражен эксплицитно: *Був – не був, та кажуть люди, що був, дуже багатий пан-дідич* («Вівчар, пан, його внук та бичок») [4]. Подобные формулы имеют вероятностный характер, который усиливается с помощью вводных словосочетаний, указывающих на источник информации (*люди кажуть*).

В лезгинских волшебных сказках ФС более однотипны и строятся по следующей схеме: (1) *хъана* + (2) *къван*, (3) *хъанач* + (2) *къван*, где *хъана* – форма прошедшего времени бытийного глагола *хъун* – ‘быть’, ‘жить’; *хъанач* – отрицательная форма глагола *хъана* – образована с помощью суффикса –ч со значением отрицания – ‘не был (не жил)’; *къван* – послелог, используемый в данном контексте для обозначения альтернативности развития событий. Сочетание данных компонентов образует речевую конструкцию с модальностью вероятности: *хъана къван, хъанач къван* то ли были (жили), то ли не были (не жили)’, которая, с одной стороны, подчеркивает размеренность действия, с другой – указывает на то, что сказитель не уверен в достоверности информации и предлагает читателю сделать выводы самостоятельно: *Хъана къван, хъанач къван дегъзаманада са пачагъ*. – ‘То ли жил, то ли не жил когда-то давно один царь (падишах)’ («Нехирбандин хва») [5].

Широко распространен в сказках редуцированный вариант данной конструкции *хъана, хъанач къван* ‘жил или не жил’, которая является более динамичной по сравнению с предыдущей формулой и указывает на затруднительность выбора: *Хъана, хъанач къван са фекъи*. – ‘Жил или не жил один мулла’ («Хурхур Агъмед») [5].

Маркером неопределенности в лезгинских и украинских ФС часто служит числительное «один» (укр. *один*, лезг. *са*), которое в контексте формулы приобретает переносное значение, трансформируясь в местоимение со значением «какой-то»: лезг. *Хъана-хъанач къван са къарини къужа* («Кваташ»). – ‘Жил не жил один старик’ [5]; укр. *В одного чоловіка було три сини* («Золота гуска») [4].

Таким образом, в лезгинских волшебных сказках в состав ФС обязательно входит эксплицитно и/или имплицитно выраженный элемент неопределенности, указывающий на вымысел. Исключение составляют героические сказки, в инициальных формулах которых фиксируется нетипичная для волшебного повествования установка на правдивость, выраженная с помощью утвердительных конструкций: («жил», «был»): *Суълейман пайгъамбардин заманада Зал лугъудай са итим хъана* («Рустам Зал»). – ‘Когда-то давно, во времена Сулеймана, жил один мужчина по имени Зал’ [5]. Поскольку время действия в сказке имеет неопределенный характер, подобные зачины ориентированы на то, чтобы убедить читателя в подлинности описываемых событий.

ФС в лезгинских и украинских волшебных сказках обязательно сопровождаются констатацией факта наличия или отсутствия у героев чего-либо. При этом следует отметить, что в формулах «наличия» чаще всего фигурирует объект «дети». Данный факт непосредственно связан с ценностными приоритетами обоих этносов: и для лезгин, и для украинцев дети – главное условие семейного благополучия и счастливой жизни. В формулах наличия детей, как правило, акцентируется внимание на их количестве, которое выбирается не случайно. Чаще всего используются числа «один», «два», «три», «семь», тесно связанные с архаичными народными верованиями и имеющие глубокий символический смысл.

В лезгинских сказках преобладает сакральная цифра «семь» (символ духовности и мудрости), которая была неотъемлемой частью древней тюркской мифологии, и в ходе сложного исторического процесса вошла в традиционные обряды и ритуалы дагестанских народов: *Хъана къван, хъанач къван са пачагъ, и пачагъдизни са пабни ирид хва аваз хъана* («Ирид стха»). – ‘То ли жили, то ли не жили падишах и его жена, и было у них семь сыновей’ («Семь братьев») [5].

В украинских сказках чаще используется число «три» (символ полноты и завершенности в мифологии): герои, как правило, имеют троих сыновей: *Де-не-десь, у якiмсь царствi, жив собi цар та цариця, а в них – три сини, як соколи* («Царівна-жаба»), реже – троих дочерей: <...> *Тодi був на свiтi бiдний чоловiк, що мав три доньки – Марiйку, Ганнусю i Василюку* («Чарівне горнятко») [4].

В сказках героического содержания нередко фигурирует число «один» (лезг. *са*, укр. *один*) – символ начала, единого, неделимого, уникального: лезг. *Хъана къван, хъанач къван са къари: къаридизни хъана са хва* («Ирид юкI алай пагъливан Магъмад») [5]; укр. *Жив собi бiдний чоловiк. Мав одного сина – статечного й робiтного хлопця* («Гайгай»).

В украинских «формулах наличия» специфические функции выполняет число «два», которое служит основой контраста, подчеркивая качественную оппозицию героев, что является отголоском дихотомического восприятия мира: *Було собi два брати – один багатий, а другий убогий* («Два брати»); *Давним-давно жили собi два брати. Одному бог дав семеро дiтей, а в другого не було й одноi* («Казка про чарiвну пташку») [4].

В лезгинских сказках, как правило, акцентируется внимание на наличии сыновей, что соответствует канонам традиционного патриархального общества.

Украинские формулы наличия детей нередко содержат элементы, обозначающие неопределенное множество. Это в первую очередь лексемы с числовым значением *багато, купа, повно*, а также синтаксические конструкции, построенные на гиперболе, сравнении и градации: <...> *жив-був один чоловiк, який мав стiльки дiточок, як на решетi дiрочок, i ще одним бiльше. Дiти такi, нiби хто з лантуха картоплi насипав: малi, бiльшi, ще бiльшi* («Залiзноноса баба») [4]. В лезгинских сказках формулы со значением неопределенного множества не зафиксированы.

В «формулах отсутствия» главным объектом в обеих лингвокультурах является материальный достаток (герои обычно очень бедны, но в конце сказки обязательно добиваются успеха). Это объясняется тем, что народные симпатии – на стороне простого человека, который хоть и беден, но наделен высокими моральными качествами, поэтому и получает в конце заслуженное вознаграждение: лезг. *Хъана къван, хъанач къван са заманада Къагъриман лугъудай са кесибдин гада* («Кесибдин хва Къагъриман»). – ‘То ли жил, то ли не жил когда-то давно бедный юноша по имени Кагриман’ [5]; укр. *Жив собi бiдний чоловiк* («Гайгай») [4].

В большинстве украинских волшебных сказок в состав «формулы отсутствия» входит объект «дети»: *Жили собi дiд та баба. Вже й старi стали, а дiтей нема* («Телесик») [4]. Для лезгинских сказок такой тип формул не характерен. Исключение составляют богатырские сказки (например, «Пад яру ич» [5]). Данный факт можно объяснить устоями традиционного патриархального общества, в котором с древних

времен сохраняется установка на многодетность, прочно закрепившаяся в обычаях дагестанских народов; отсутствие детей в семье – большая редкость.

Таким образом, ФС в лезгинских и украинских сказках обладают большим аксиологическим потенциалом, поскольку отражают ценностные приоритеты лезгин и украинцев, их представления о гармонии и совершенстве окружающего мира.

Семантический блок «время действия» является обязательным элементом сказочного зачина. Следует отметить, что сказочное время циклично и замкнуто – события волшебной сказки исключены из реальности и имеют вневременной неопределенный характер. Реализации данной установки способствуют специальные **хронологические формулы (ХФ)**. Время повествования в лезгинских и украинских волшебных сказках вербализуется по-разному: с помощью лексических, лексико-синтаксических и грамматических средств. Лексические и лексико-синтаксические маркеры могут отсутствовать, тогда как грамматические показатели времени являются обязательными и маркируются в рамках формулы существования героев.

В лезгинских волшебных сказках время маркируется преимущественно грамматически – его показателем является форма прошедшего времени глагола, входящего в состав формулы существования. Лексические маркеры встречаются достаточно редко. Их функцию выполняют наречия, а также предложно-падежные словосочетания со значением неопределенности: *са заманда* ‘когда-то, в какое-то время’, *дегь заманада* ‘в древнюю эпоху, в древние времена’, *куьгьне заманда* ‘в старину’, *лап къадим заманайра* ‘в древние времена, издревле’: ... *Гзаф вахтар вилик лап дегь заманада хъана къван, хъанач къван са жегьил итимни са жегьил дишегьли*. – ‘Много времени назад, в древности, были или не были один молодой мужчина и одна молодая женщина’ [5]. В героических сказках время повествования иногда конкретизируется: *Сулейман пайгъамбардин заманада Зал лугьудай са итим хъана*. («Рустам Зал») – ‘Во времена пророка Сулеймана жил один мужчина по имени Зал...’ [5].

В украинских сказках лексическими репрезентантами времени являются временные наречия с семантикой неопределенной длительности: *колись, колись-то, тоді, давним-давно, давно-предавно, дуже давно* и др.: *Колись дуже давно жили собі бідні чоловік та жінка <...>* («Ох!») [4]. К лексико-синтаксическим маркерам относятся предложнопадежные субстантивные формы типа: *колись у старовину, у далеку давнину, ще за старих часів, одного разу, не за нашої пам’яті*, а также предикативные конструкции, которые, несмотря на неопределенность семантики, условно конкретизируют временной план высказывания, указывая то, что события происходили очень давно (давнопрошедшее время): *Давно те діялось. Жив у нашому селі звичайний собі чоловічок*. («Давня казка»); *Давно, Бог його знає й коли, жив на світі богатир Василь Всесильний, і була в нього сестра* («Василь Всесильний») [4].

Временные маркеры могут нанизываться друг на друга по принципу градации – от менее определенного к более определенному, образуя сложную речевую конструкцию, например: *Колись-то давно, не за нашої пам’яті, – мабуть, ще й батьків і дідів наших не було на світі, жив собі убогий чоловік з жінкою <...>* («Ох!») [4]. В данном примере неопределенность повествования усиливается с помощью вводного слова *мабуть*, указывающего на то, что сказитель сомневается в

достоверности описываемых событий. Еще большей степенью недостоверности характеризуются шуточные фразы: *За царя Панька (Гороха, Хмеля)* [13], комизм которых основан на принципе обманутого ожидания (высокое социальное положение – *царь* и не соответствующее ему имя): *Колись давно, ще за царя Гороха, жив собі...* Иногда подобные фразеологические обороты трансформируются в более сложные ритмизованные речевые образования юмористического характера, главная цель которых – заинтересовать читателя, создать непринужденную атмосферу, благоприятную для восприятия сказки: *За царя Панька, як була земля тонка; За царя Гороха, як людей було трохи; за царя Хмеля, як було людей жменя* [13] и др.

Часто в состав украинских ХФ вводятся элементы абсурда, характерные для небылицы: *Це було давно-предавно, коли кури несли телят, а вівці – писанки, файніші, ніж у Косові* («Чарівне горнятко») [4]. Семантика подобных фраз основана на умышленном искажении действительности (объекты поменялись местами и выполняют несвойственные им функции), что подчеркивает ирреальность описываемого события, его несоответствие обычному порядку вещей: *Ще в ті часи, коли на вербі родилися груші, десь у світі жив...* («Чому кінь їсть постійно?») [4]. В лезгинских волшебных сказках такие приемы не используются.

К факультативным в обеих лингвокультурах относится семантический блок «место повествования», который реализуется с помощью **топографических формул (ТФ)**. Сказочное пространство, как и время, не имеет четких границ, поэтому в состав ТФ обязательно вводится элемент неопределенности. Следует отметить, что в зачинах лезгинских волшебных сказок ТФ, встречаются достаточно редко. Это, как правило однотипные лаконичные высказывания, состоящие из двух-трех элементов с неопределенным значением: *са гьи виляятда* ‘в одной какой-то стране’, *гьина ятІани сана* ‘где-то’: *Са гьи виляятда ятІани къадим заманада Шагъугъли шагъ Абас лугъудай пачагъ авай* («Далалубегъли»). – ‘В одной какой-то стране, в древние времена жил царь по имени Абас’ [5].

В украинских сказках ТФ отличаются большой вариативностью. Языковыми маркерами места действия выступают различные наречия и субстантивные словосочетания с семантикой неопределенности: *десь, де-не-десь, в далеких краях, за горами, за лісами, не знати в якій державі, у тридев'ятому (далекому, невеличкому, якімсь, якомусь, якомусь-то) царстві, у тридесятому державстві, далекому господарстві* и др.: *В тридев'ятому царстві, в тридесятому державстві жив-був цар і було у нього три доньки* («Царівна»); *Десь у якомусь-то царстві, в якомусь господарстві був жив собі старий чоловік та жінка. І зроду в них не було дітей* («Чорт-змій і запродані діти») [4].

Иногда ТФ усложняются путем амплификации – сочетания двух и более речевых конструкций, которые обозначают несколько направлений локализации сказочного пространства и указывают на разную степень удаленности действия: *Десь за темними лісами, за глибокими морями, від нас на сімдесят сім держав, а ще далі – на десять горобиних кроків і на двадцять блошиних скоків жив-був один чоловік <...>* («Залізноноса баба») [4]. Неопределенность сказочного пространства подчеркивается имплицитно – с помощью различных стилистических приемов (градации, метафоры, гиперболы, литоты).

Финальные речевые формулы (ФРФ) – устойчивые элементы, завершающие сказочное повествование. Вместе с ИРФ они образуют обрамление сказки.

В украинских волшебных сказках ФРФ достаточно разнообразны и имеют множество вариантов. В структуру таких конструкций входят следующие элементы:

1. Формулы дальнейшего бытия героев, которые по своей структуре и содержанию коррелируют с инициальными формулами: *І стали вони жити-поживати, добра наживати та хату свою відбудовувати* («Казка про морського царя»); *А Іван – мужичий син одружився з дівчиною-красунею, та й зажили щасливо* («Іван – мужичий син») [4] и др. Подобные конструкции сигнализируют про выход из волшебного мира и возвращение к реальности. Поскольку большинство украинских сказок заканчивается *весіллям* ('свадьбой'), то именно эту лексему в ее различных контекстах можно считать основным языковым маркером сказочной концовки.

2. Формулы, указывающие на непосредственное участие рассказчика в сказочных событиях: *От їх швидко й повінчали, такий бенкет задали, що аж до неба дим пішов!* («Летячий корабель») [4].

3. Формулы, указывающие на присутствие рассказчика на свадебном банкете: *А далі <...> таке весілля справляли, що увесь мир скликали! І я там був, мед-вино пив; хоч в роті не було, а по бороді текло – тим вона в мене й побіліла* («Ох!») [4].

3. Формулы, указывающие на перемещение сказочника от места действия к слушателям: *Там я сів на весло – і сюди мене принесло* («Брати-близнюки Іван і Йосиф») [4].

4. Формулы, сигнализирующие о конце повествования: *А так при сім слові ви живіть здорові, а казці кінець* («Брати-близнюки Іван і Йосиф»); *Летів через високі гори сірий горобець, а цій казці – кінець* («Яка любов найліпша») [4].

5. Формулы вознаграждения сказочнику – похвала, разные угощения – мед, пиво, вино, сладости и др.: *От вам і казочка, а мені – бубликів в'язочка* («Телесик») [4].

Перечисленные выше формулы чрезвычайно пластичны, склонны к различным семантическим трансформациям, вследствие чего имеют множество вариантов. Часто в состав украинских ФРФ входят юмористические элементы, рифмованные присказки, которые, с одной стороны, подчеркивают недостоверность описываемых событий, с другой – отражают национальные особенности характера.

В лезгинских волшебных сказках ФРФ более устойчивы и менее вариативны. Их структуру образуют следующие элементы:

1. Формулы дальнейшего бытия героев: *Эхир кесиб Къагъриман бахтлу хъана. Ватандиз хтана кІвал-югъ хъана.* – 'Наконец бедный Кагриман стал счастливым. Вернулся на родину и обзавелся домом и семьей' («Нехирбандин хва») [5].

2. Формулы, указывающие на перемещение сказочника от места действия к слушателям: *Абур гъана амаз, чун иниз хтана. Квезни за и маххкана* ('Их там оставив, мы вернулись сюда, и вам эту сказку принесли') («Пуд хва»); *Абур гъана амаз, зун иниз хтана, за квез и махни хкана* 'Оставив их там, я сюда пришел и сказку вам принес' («Гъуьлуьн руш») [5].

3. Формулы, описывающие свадьбу героев (основаны на гиперболе): *Ирид юкъузни, ирид йифиз далдам гатана, мехъерна, пачагъдин хци и руш вичиз паввиле къачуна.* – 'Семь дней и семь ночей под бой барабанов гуляла свадьба – сын царя

женился на девушке' («Нехирбандин хва»); *Мехъер гзаф шаддаказ кыле фена. Зуърнеяр, далдамар ягъизвай. Гъар вуж атайтлани, тухдаказ ва кефлудаказ хъфизвай. Исъятдани абур нез-хъваз кефина авалда* 'Свадьба прошла очень весело: играли зурны, били барабаны. Кто бы не пришел, уходил сытый и довольный. И сейчас там пьют-едят, гуляют и веселятся' («Гъуьлуьн шив») [5].

4. Формулы, указывающие на присутствие рассказчика на свадебном пиру: *Абурун мехъерик зунни квай. Туьна-хъвана, куь паярни гваз хтана* 'И я на той свадьбе был, ел-пил и вашу долю вам принес' («Нехирбандин хва») [5].

5. Формулы-пожелания счастья героям, слушателям и самому себе: *Абур бахтлу хъурай, зунни, захъ яб акалай куьнни* ('Пусть будут они счастливы, и я, и слушавшие меня вы') («Пад яру ич») [5]. В украинских сказках такие формулы отсутствуют.

Как и в украинских сказках, ключевое место в лезгинских ФРФ занимает лексема *мехъер* 'свадьба', что подчеркивает важную роль свадебных традиций в обеих лингвокультурах.

ВЫВОДЫ

Результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие выводы:

1. ТРФ в лезгинских и украинских волшебных сказках имеют идентичную структуру, состоящую из схожих по семантике элементов. Национальная специфика сказочных формул определяется тем, как конкретизируются и сочетаются соответствующие элементы в рамках общепринятой схемы.

2. В обеих лингвокультурах инициальные и финальные речевые формулы характеризуются устойчивостью и стереотипностью, в то же время они пластичны и склонны к вариативности. Принципы варьирования основываются на синонимии входящих в состав формулы элементов, их амплификации и редукции. Степень вариативности украинских ТРФ намного выше по сравнению с аналогичными лезгинскими ТРФ, которые имеют ограниченное количество вариантов.

3. Характерная особенность украинских ТРФ – юмористический характер, восприимчивость к рифме, использование различных стилистических приемов: градаций, литот, метафор, оксюморонов, элементов экспрессии и абсурда, что сближает их с прибаутками и небылицами; лезгинские ТРФ характеризуются большей устойчивостью и лаконичностью, более эпичным (спокойным, серьезным) тоном повествования, что является отражением национального характера.

4. В обеих лингвокультурах ТРФ содержат элемент недостоверности, который является типичным маркером сказочного повествования. При этом установлено, что в лезгинских волшебных сказках данный элемент выражается, как правило, эксплицитно, тогда в украинских сказках – иносказательно, с помощью метафор, гипербола, эпитетов и других стилистических приемов.

5. В семантике лезгинских и украинских ТРФ заложена важная аксиологическая информация, что позволяет рассматривать их как действенный механизм маркирования и «консервации» этнокультурных смыслов.

Перспективы дальнейшего исследования данной проблемы заключаются в изучении других видов традиционных речевых формул (в частности, медиальных) в сказках на материале различных языков, в том числе и в сопоставительном аспекте.

Список литературы

1. Гасанова Д. С. Лингвокультурологические и структурно-семантические особенности языка сказки: на материале лезгинского, русского и английского языков: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Махачкала, 2013. – 25 с.
2. Герасимова Н. М. Пространственно-временные формулы русской волшебной сказки // Прагматика текста. Фольклор. Литература. Культура. – СПб., 2012. – С. 173–180.
3. Герасимова Н. М. Формулы русской волшебной сказки (к проблеме стереотипности и вариативности традиционной культуры) // Прагматика текста. Фольклор. Литература. Культура. – СПб., 2012. – С. 5–18.
4. *З живого джерела: Українські народні казки в записях, переказах та публікаціях українських письменників / Упоряд., літер, обробка, вступ, ст. та приміт. Л. Дунаєвської.* – К.: Радянська школа, 1990. – 512 с.
5. *Лезги Халкъдин махар / сост. Г. Г. Гашаров, А. М. Ганиева.* – Махачкала, 1989. – 160 с.
6. Мальцева Т. И. Разнообразие формул волшебной сказки как результат их варьирования // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 5 (84). – С. 302–303.
7. *Общая и русская лингвоаксиология: Коллективная монография / отв. ред. М. С. Милованова.* – М. – Ярославль: Издательство «Канцлер», 2022. – 390 с.
8. Островская К. З. Инициальные и финальные формулы как средство репрезентации фантастического хронотопа: на материале русских, немецких и английских народных волшебных сказок // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – № 6 (79). – С. 670–672.
9. Петрова Е. Е. Структурно-семантические и прагматические особенности формульных композиционных средств (на материале британских и русских народных сказок) // Международный научно-исследовательский журнал. – 2015. – №1 (32). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktorno-semanticheskie-i-pragmaticheskie-osobennosti-formulnyh-kompozitsionnyh-sredstv-na-materiale-britanskih-i-russkih-narodnyh>. – (Дата обращения: 02.08.2024).
10. Пропт В. Я. Морфология волшебной сказки. – М.: Лабиринт, 2001. – 192 с.
11. Рошину Н. Традиционные формулы сказки. – М.: Наука, 1974. – 216 с.
12. Серебrenникова Е. Ф. Аспекты аксиологического лингвистического анализа // Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов: коллективная монография. – М.: Тезаурус, 2011. – С. 7–26.
13. Ужченко В. Д., Ужченко Д. В. Фразеологічний словник української мови. – К.: Освіта, 1998. – 224 с.
14. Чистов К. В. Фольклор. Текст. Традиция: сб. ст. – М.: ОГИ, 2005. – 272 с.

References

1. Gasanova D. S. *Lingvokul'turologicheskie i struktorno-semanticheskie osobennosti yazyka skazki: na materiale lezgin'skogo, russkogo i angliiskogo yazykov: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Linguistic and cultural, structural and semantic features of the fairy tale language: based on the material of the Lezgian, Russian and English languages. Abstract of thesis]. Makhachkala, 2013. 25 p.
2. Gerasimova N. M. *Prostranstvenno-vremennye formuly russkoi volshebnoi skazki* [The spatial-temporal formulas of the Russian fairy tale]. *Pragmatika teksta. Fol'klor. Literatura. Kul'tura*. St. Petersburg, 2012, pp. 173–180.
3. Gerasimova N. M. *Formuly russkoj volshebnoj skazki (k probleme stereotipnosti i variativnosti tradicionnoj kul'tury)* [Formulas of the Russian fairy tale (on the problem of stereotyping and variability of traditional culture)]. *Pragmatika teksta. Fol'klor. Literatura. Kul'tura*. St. Petersburg, 2012, pp. 5–18.
4. *Z zhivogo dzherela: Ukrain's'ki narodni kazki v zapisah, perekazah ta publikacijah ukrain's'kih pis'mennikov*. [From a living source: Ukrainian folk tales in recordings, retellings and publications of Ukrainian writers]. Kiev, Radyans'ka shkola Publ., 1990. 512 p.

5. *Lezgi Halk'din mahar* [Lezginskie narodnye skazki]. Ed. by G. G. Gasharov, A. M. Ganieva. Mahachkala, 1989. 160 p.
6. Mal'ceva T. I. *Raznoobrazie formul volshebnoj skazki kak rezul'tat ih var'irovanija* [The variety of fairy tale formulas as a result of their variation]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija*, 2020, no. 5 (84), pp. 302–303.
7. *Obshhaja i russkaja lingvoaksiologija* [General and Russian Linguoaxiology]. Ed. by M. S. Milovanova. Moscow. Jaroslavl': Kancler Publ., 2022. 390 p.
8. Ostrovskaja K. Z. *Inicial'nye i final'nye formuly kak sredstvo reprezentacii fantasticheskogo hronotopa: na materiale russkih, nemeckih i anglijskih narodnyh volshebnyh skazok* [Initial and final formulas as a means of representing a fantastic chronotope: based on the material of Russian, German and English folk fairy tales]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija*, 2019, no. 6 (79), pp. 670–672.
9. Petrova E. E. *Strukturno-semanticheskie i pragmaticheskie osobennosti formul'nyh kompozicionnyh sredstv (na materiale britanskih i russkih narodnyh skazok)* [Structural, semantic and pragmatic features of formulaic compositional means (based on the material of British and Russian folk tales)]. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal*, 2015, no. 1 (32). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturno-semanticheskie-i-pragmaticheskie-osobennosti-formulnyh-kompozitsionnyh-sredstv-na-materiale-britanskih-i-russkih-narodnyh> (accessed 2 August 2024).
10. Propp V. Ja. *Morfologija volshebnoj skazki* [The morphology of a fairy tale]. Moscow, Labirint Publ., 2001. 192 p.
11. Roshijanu N. *Tradicionnye formuly skazki* [Traditional fairy tale formulas]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 216 p.
12. Serebrennikova E. F. *Aspekty aksiologicheskogo lingvisticheskogo analiza* [Aspects of axiological linguistic analysis]. *Lingvistika i aksiologija: jetnosemiometrija cennostnyh smyslov*. Moscow, Tezaurus Publ., 2011. pp. 7–26.
13. Uzhchenko V. D., Uzhchenko D. V. *Frazeologichnij slovník ukraïns'koï movi* [Phraseological dictionary of the Ukrainian language]. Kiev, Osvita Publ., 1998.
14. Chistov K. V. *Fol'klor. Tekst. Tradicija* [Folklore. Text. Tradition]. Moscow, 2005. 272 p.

THE AXIOLOGICAL CONTENT OF THE INITIAL AND FINAL TRADITIONAL SPEECH FORMULAS IN LEZGIAN AND UKRAINIAN FAIRY TALES

Vetrova E. S.

The article deals with the study of initial and final speech formulas in Lezgian and Ukrainian fairy tales. The structure and semantic features of these speech constructions in the fairy tale narrative are analyzed. Special attention is paid to the description of their axiological content. The analysis results show that the initial and final formulas in Lezgian and Ukrainian fairy tales have a similar structure consisting of several semantic blocks, with each block having a specific linguistic content provided by the national tradition. It shows that the analyzed speech formulas are prone to variability, which is usually provided by the synonymy of the elements contained in them, as well as the ways of their compatibility. Initial and final formulas in fairy tales can be subject to the amplification, i.e. complications, such as wide use of synonymous constructions of the same type, and reduction (reduction of the share of information). At the end of the study, the author concludes that the initial and final speech formulas of fairy tales are universal. At the same time, there is a distinct national specificity in their structure, semantics and functional features, allowing us to consider them as an effective mechanism for marking and preservation of ethnocultural meanings.

Keywords: fairy tales, axiological model, traditional speech formulas, initial formulas, final formulas, Lezgian linguoculture, Ukrainian linguoculture.